

Кантєрев Н. Ф. [Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович:]

Церковно-реформаціонное движеніе во время патриаршества Иосифа и его главные представители // Богословскій вестник 1908. Т. 1. № 2. С. 309—338 (2-я пагин.). (Начало.)

Церковно-реформаціонное движеніе во время патриаршества Иосифа и его главные представители.

Появленіе въ русскомъ обществѣ, послѣ такъ называемаго смутнаго времени, сознанія необходимости улучшить религіозно-нравственную жизнь всего русскаго народа. Разныя челобитныя къ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ съ жалобами на церковныя непорядки, на зазорное поведеніе бѣлаго и чернаго духовенства, на народныя языческаго характера суевѣрія и игрища, на разныя народныя пороки и недостатки. Правительственныя мѣры по поводу этихъ жалобъ. Образованіе въ Москвѣ кружка ревнителѣй благочестія. Глава кружка, царскій духовникъ, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ. Его придворная дѣятельность, его приверженность къ кievлянамъ и грекамъ, его заботы о поднятїи нравственности и просвѣщенія средн духовенства и народа, поставленіе имъ, съ этою цѣлю, по разнымъ городамъ на протопопскія мѣста лицъ, извѣстныхъ своею строгою жизнью, истовостію въ совершенїи церковныхъ службъ, учительностію, ревностію къ насажденію благочестія въ народѣ и борьбою съ народными языческаго характера игрищами и суевѣріями. Образованіе изъ этихъ лицъ провинціального кружка ревнителѣй благочестія. Общій характеръ дѣятельности провинціального кружка ревнителѣй, задачи и цѣли, какія онъ преслѣдовалъ. Его взглядъ на относительное достоинство греческаго благочестія, греческихъ обрядовъ и чиновъ, сравнительно съ русскими

Послѣ такъ называемаго смутнаго времени, когда почти совсѣмъ погибало русское царство, когда многое, прежде считавшееся такимъ твердымъ и неизблемымъ, пошатнулось, оказалось слабымъ и малоустойчивымъ, русская жизнь уже стала не удовлетворять очень и очень многихъ. Она—русская жизнь какъ-то вся заколебалась, незамѣтно стала понемногу сдвигаться съ своихъ старыхъ дѣдовскихъ основъ и устоевъ, стала, хотя сначала ошущью и въ разбродѣ, искать новыхъ путей, новыхъ болѣе культурныхъ силъ и средствъ для своего дальнѣйшаго существованія. Отсюда явились по-

пытки такъ или иначе реформировать ее, улучшить и усовершенствовать, причѣмъ бравшіеся за это дѣло подходили къ той же цѣли разными путями, съ разныхъ сторонъ и употребляли разныя средства. Одни—большинство видѣли причину всѣхъ происшедшихъ бѣдъ и нестроеній народной и государственной жизни въ низкой народной нравственности, въ народной испорченности и порочности, въ недостаточности ея проникновенія христіанскими и церковными началами. Поэтому они желали нравственно перевоспитать общество съ помощію борьбы съ остатками въ народѣ языческихъ суевѣрій, грубыхъ обычаевъ, языческаго характера народныхъ игрищъ, забавъ и увеселеній, желали на народъ болѣе мощнаго церковно-религіознаго воздѣйствія. Въ этихъ видахъ они усиленно стремились прежде всего привести въ порядокъ нашу тогдашнюю церковную жизнь, въ которую вкралось много нестроеній и непорядковъ, именно: они рѣшительно возставали противъ порочной и зазорной жизни духовенства, усиливались ввести въ отправленіе всѣхъ церковныхъ службъ чинность, истовость, учительность, чтобы сдѣлать церковныя службы вразумительными и назидательными для народа. Другіе думали поставить дѣло шире: желали еще исправленія нашихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, пересмотра и исправленія всѣхъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, съ помощію свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ людей, такъ какъ были убѣждены, что наши церковныя книги, чины и обряды потерпѣли, вслѣдствіе разныхъ причинъ, нѣкоторыя нежелательныя измѣненія, сдѣлавшія ихъ кое въ чемъ непохожими на настоящіе древне-церковныя православныя чины и обряды. Третьи, не отрицая указанныхъ причинъ, видѣли еще коренной недостатокъ тогдашней русской жизни въ полномъ отсутствіи у русскихъ просвѣщенія, какихъ бы то ни было научныхъ знаній, вообще въ ихъ умственной темнотѣ и невѣжествѣ, почему думали и стремились завести къ Москвѣ, съ помощію ученыхъ грековъ и кіевлянъ, правильно устроенную строго православную школу, чтобы при ея посредствѣ насаждать среди русскихъ недостающія имъ знанія и просвѣщеніе. Наконецъ были и такіе, хотя еще и очень немногіе, которые, то сознательно, то бессознательно, стремились сблизиться съ иновѣрнымъ просвѣщеннымъ западомъ, усвоить, путемъ подражанія и заим-

ствованія, его обычаи, внѣшнюю обстановку его жизни, а въ концѣ—западныя знанія и науку. Часто всѣ эти стремленія и направленія перепутывались и смѣшивались между собою и даже у одного и того же лица. Вообще въ переходныя эпохи, когда только что зарождаются и начинаютъ формироваться въ народной жизни новыя направленія и теченія, ихъ трудно бываетъ выслѣдить съ полною ясностію и опредѣленностію, такъ какъ онѣ сами еще очень неясны, неопредѣленны, а ихъ носители и выразители не рѣдко являются непослѣдовательными, а иногда и противорѣчивыми. Къ тому же: самыя зарождающіяся новыя направленія въ жизни почти всегда встрѣчаются затемненными сторонниками, къ существу дѣла неотносящимися обстоятельствами, разными случайными и побочными явленіями.

Среди различныхъ новыхъ направленій, начавшихъ у насъ появляться послѣ смутнаго времени, и имѣвшихъ въ виду обновить, улучшить нашу народную жизнь, прежде всего съ особою силою выступило стремленіе улучшить крайне разшатавшуюся народную нравственность, возвысить общій уровень христіански религіозной жизни народа, стоявшей доселѣ еще на довольно низкой ступени, и даже сохранившей въ себѣ много языческаго; стремленіе исправить тогдашнее духовенство и самую церковную жизнь, въ которую вкрались многія нестроенія, особенно въ сферѣ отправленія церковныхъ службъ. Это стремленіе вызвало прежде всего появленіе различныхъ челобитенъ, исходившихъ отъ частныхъ лицъ, которыя, проникаясь ревностію къ благочестію, обращаются къ патріархамъ и къ самому государю съ ходатайствами, чтобы они предприняли мѣры къ уничтоженію общественныхъ недостатковъ и пороковъ, къ улучшенію церковной и вообще нравственно-религіозной жизни народа и самого духовенства.

Въ 1636 году девять нижегородскихъ священниковъ, въ числѣ которыхъ находился и знаменитый потомъ Іоаннъ Нероновъ, подали патріарху Іоасафу челобитную, въ которой они довольно подробно указываютъ на различныя церковныя безпорядки и нестроенія, на зазорное поведеніе приходскаго духовенства, на его лѣнь и небреженіе къ духовно-нравственнымъ потребностямъ пасомыхъ, на его пьянство и безчинство, на крайне непристойное и безчестное поведѣніе

молящихся въ храмахъ, на грубыя съ явнымъ языческимъ характеромъ народныя забавы и увеселенія, свидѣтельствующія объ отсутствіи во всемъ народѣ истинной христіанской религіозности, доброй нравственности и добрыхъ христіанскихъ нравовъ. Въ виду этого челобитчики умоляютъ патріарха позаботиться „о исправленіи церковнемъ; о часѣхъ съ обѣднями и о постныхъ безвременныхъ вечерняхъ“. Они просятъ патріарха: „учени, государь, свой святительской указъ, чтобъ по преданію св. апостоль и святыхъ истинно елавился Богъ, и до конца бы церкви Божія въ лѣности и въ небрежии не разорилась, и намъ бы въ исправленіи и въ скудости вѣры до конца не погибнути; и вели, государь, на тѣ дѣла о церковномъ исправленіи: какъ пѣти часы и вечерни въ постъ великій и о мятежи церковнемъ, что неистовствуютъ въ церквахъ шпыни и прокураты, и о играхъ бѣсовскихъ, дати свои государевы святительскія грамоты“ 1).

Неизвѣстный, въ челобитной къ патріарху Іосифу, возстаетъ съ особою силою противъ тогдашняго распущеннаго духовенства, говоря, что пастыри церкви только „именемъ пастыри, а дѣломъ волцы, только нареченіемъ и образомъ учителя, а произволеніемъ тяжцы мучители, иже малаго ради своего покоя и предатели суть душамъ человѣческимъ, настоящей и маловременной, но грядущей и вѣчной муцѣ“. Этотъ суровый отзывъ о тогдашнихъ пастыряхъ неизвѣстный иллюстрируетъ въ своей челобитной указаніемъ на то, что священники совершаютъ службы „омраченные пьянствомъ“, что они „вскочутъ безобразно въ церковь“ и начинаютъ отправлять церковныя службы безъ соблюденія церковнаго устава и правилъ, стараясь только какъ можно скорѣе кончить службу. Ради этого они никогда не читаютъ въ церкви положенныхъ для народа поученій, поютъ и читаютъ заразъ въ пять—шесть голосовъ, дѣлая этимъ все богослуженіе непонятнымъ для народа, который поэтому въ церкви ничему не научается и нисколько не назидается. Священники не только не прекращаютъ въ церкви разныхъ безчиній со стороны молящихся, особенно если послѣдніе

---

1) Эта челобитная, съ очень обстоятельнымъ объясненіемъ, напечатана Н. В. Рождественскимъ въ Чт. общ. ист. и древн. расс. за 1902 г. кн. II, отд. IV, стр. 1—31

принадлежать къ людямъ знатнымъ и сильнымъ, но и всячески заискивають передъ ними и во всемъ потакають имъ, не заботясь объ ихъ исправленіи, и вообще на свою паству—на ея нравственную распушенность и пороки, не обращаютъ никакого вниманія. И не только бѣлое духовенство, но и монахи, вопреки своимъ иноческимъ обѣщаніямъ и клятвамъ, „любятъ сребро и злато и украшеніе келейное, имѣютъ влагалища исполнена лишнихъ одеждъ, тщатся притяжати большая стяжанія, и тѣмъ желаютъ мірскія любве достигнути“. Они устрояютъ въ обителяхъ пиры на монастырскій счетъ „для великоименитыхъ властей“, даютъ имъ взятки, чтобы получить чрезъ нихъ въ монастырѣ: игуменство, строительство, келарство и вообще какую либо почетную и доходную монастырскую должность. И вотъ такія монастырскія власти, пріемши власть цѣною гибнущаго имѣнія, къ подвластнымъ звѣрообразни являются сурови и мстивитомители, и святыхъ обителей грабители“; сами же они, окруженные родственниками и приспѣшниками, обыкновенно ведутъ пьяную, разгульную и развратную жизнь. Не оставилъ безъ обличенія неизвѣстный и высшихъ церковныхъ іерарховъ. Архіереи, заявляетъ онъ, сами занимая іераршія каеэды неподготовленными, неискушенными предварительно иночески подвижническою жизнію, не стараются исправить указаннныя вопіющія недостатки въ иноческой монастырской жизни. Въ виду этого челобитчикъ умоляетъ патріарха, косвенно дѣлая и ему упрекъ въ нерадѣніи: „подвигнися, пишетъ онъ, о церквахъ Божіихъ и о святыхъ и честныхъ монастырѣхъ, прими, государь, ревность ученія первопрестольникъ твоихъ великихъ святителей: Петра и Алексѣя и Іоны, ти бо на всяко лѣто области своя по всѣмъ градомъ трудолюбно сами церкви Божіи назирали, како во всей славіи стоятъ, и монастыри, паче же живущихъ въ нихъ наставниковъ и наставляемыхъ, како безъ смущенія и страха пребываютъ. Исправи, государь хромое, да не како до конца совратится, но да исцѣлѣветъ. Не трудно бо тебѣ, государь, шествовати, путь воздаяніемъ спасенія мзды посыпана“.

Въ 1651 году иконописецъ Григорій подаль государю челобитную, въ которой онъ жалуется на порочную и во всѣхъ отношеніяхъ очень распушенную жизнь духовенства города Вязьмы, служащую соблазномъ для прихожанъ, на разныя

народныя игрища „мерзкіе“, которыя „бываютъ въ началѣ отъ Рождества Христова и до Богоявленія всенощныя, на коихъ святыхъ нарицають, и монастыри дѣлають, и архимандрита, и келаря и старцовъ нарицають, тамъ же и женокъ и дѣвокъ много ходять, и тамо дѣвицы дѣвство діаволу отдають“. Другое игрище бываетъ въ Троицынъ день, когда „загородъ на курганя ходять и неподобное творять“. Третье игрище—отъ Петрова до Ильина дня, когда „на реляхъ вѣшаются и накрутящихъ крутятся, и многихъ діаволъ беретъ, и деньги тыхъ благословляють при церкви погребати“. Наконецъ было еще игрище ночью подъ рождество Іоанна Предтечи, когда „всю ночь бѣсятся, бочки дегтярныя зажигаютъ и съ горъ катають и, вѣники зажегши, скачуть“. И такъ какъ „и поинымъ городамъ такожде много неисправленія“, то челобитчикъ рекомендуетъ государю, „таковаго бы человекъ изыскати на исправленіе поиныхъ городахъ, еже не своего искати, но Божія, и не на лица зрѣти, и посуловъ бы не брати“ т. е. онъ рекомендуетъ государю назначить отъ себя особое лицо, честное и неподкупное, и поручить ему специально заняться уничтоженіемъ въ городахъ тѣхъ безпорядковъ, безчиній и грубыхъ народныхъ языческихъ и кощунственныхъ игрищъ, на которыя указалъ челобитчикъ ¹⁾.

Кромѣ патріарховъ и государя челобитныя, по поводу разныхъ церковныхъ нестроений, нравственной распущенности духовенства и народа, подавались нѣкоторыми частными лицами и разнымъ мѣстнымъ епархіальнымъ архіереямъ. Такъ суздальскому архіепископу Серапіону (поставленъ въ архіереи 5-го окт. 1634 г., умеръ въ 1653 г.) нѣкто, называющій себя Агаеоникомъ, подалъ особую очень обширную челобитную, въ которой подробно доказываетъ необходимость введенія въ церковныхъ службахъ единогласія, указываетъ и разъясняетъ незаконность практиковавшагося тогда многогласія, его вредъ и пагубность для молящихся. Тому же архіепископу Серапіону дѣлались заявленія о разныхъ церковныхъ непорядкахъ въ его епархіи, о нравственной распущенности духовенства и пасомыхъ и т. под.

¹⁾ Челобитныя: неизвѣстнаго и иконописца Григорія напечатаны въ приложеніи нашей книги: *Патр. Никонъ*

Помимо челобитенъ встрѣчаются еще въ рукописныхъ сборникахъ и особыя статьи съ обличеніемъ тѣхъ или другихъ частичныхъ церковныхъ непорядковъ и уклоненій отъ церковнаго устава и правилъ. Такова, на примѣръ, статья о поклонахъ въ великій постъ, въ которой авторъ заявляетъ, что „въ нынѣшнее настоящее время отъ нѣкихъ іереевъ, иже страха Божія въ себѣ не имуть, презираеми бяху и мнози поклоновъ не творять въ церкви во святой великій постъ, якоже уставъ повелѣваетъ, ово убо лѣности ради и небреженія, ово же безстрашія ради и нечаянія будущаго страшнаго суда и вѣчныхъ мукъ, и не хотяще разумѣти, яко сіи земніи поклони повсюду всѣмъ вообще—православнымъ инокомъ и мірскимъ—преданы отъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, яко да никакоже сіи презираеми бывають во святой сій великій постъ, но да и паче подвигнемся, еже исправити сіе святыхъ отецъ преданіе, сирѣчь колѣнное преклоненіе, яко же уставъ повелѣваетъ, а не разрушити и вмѣсто свѣта тьму возлюбити: проклято бо сіе, съ еретики отвержено, еже не творити поклоновъ до земли въ молитвахъ нашихъ къ Богу въ церкви во уреченныя дни“. Затѣмъ авторъ старается доказать всю великость нечестія—не творить поклоны, соотвѣтствіе послѣднихъ со всѣмъ церковнымъ преданіемъ и правилами, отрицаніе поклоновъ называетъ „нечестіемъ и ересью“, и такъ какъ, по его заявленію, „во многихъ вкоренися таковое нечестіе и ересь“, то онъ и дѣлаетъ далѣе выписки изъ церковнаго устава, показывающія: когда, сколько и въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ дѣлать поклоны во время разныхъ церковныхъ службъ ¹⁾).

Такимъ образомъ частныя лица, или коллегіально—какъ нижегородскіе священники, или въ одиночку, своими челобитными и литературными обличеніями и разъясненіями, вскрывали предъ высшею духовною и свѣтскою властію различныя церковныя нестроенія, царившіе въ обществѣ и среди самаго духовенства пороки и недостатки, и призывали на борьбу съ ними правительство. Церковная власть, съ своей стороны, принимала во вниманіе заявленія челобитчиковъ и издавала иногда по этому поводу особыя распоряженія. Такъ, по поводу челобитной нижегородскихъ священниковъ патрі-

¹⁾ Рук. импер публ. библиотекъ изъ собранія гр Толстого № 258, л. л. 11—120

архъ Іоасафъ, въ 1636 году 14 августа, издалъ извѣстную память тіуну Манойлову и поповскому старостѣ, никольскому попу Панкратію, о прекращеніи въ московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ и церковныхъ непорядковъ, которыя, очевидно, во всей силѣ существовали не только въ Нижнемъ Новгородѣ, но и въ самой Москвѣ, а также и въ другихъ городахъ. Память патриарха Іоасафа тіуну Манойлову имѣла значенія не для одной Москвы, но была разослана, повидимому, ко всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ. По крайней мѣрѣ въ 1642 году 30 мая послана была: „показу великаго господина преосвященнаго Серапіона, архіепископа суздальскаго и торускаго, *память* въ Суздале городе и по всѣмъ городамъ наши архіепископы и протопопомъ и священникомъ и діаконъ“, которая является почти буквальнымъ воспроизведеніемъ памяти патриарха Іоасафа. только съ присоединеніемъ къ ней и многоаго своего, вызваннаго чисто мѣстными условіями. Память, или точнѣе, окружное посланіе къ духовенству и народу суздальскаго архіепископа Серапіона, бывшее доселѣ неизвѣстнымъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень любопытно, какъ памятникъ стремленія духовныхъ властей упорядочить и улучшить мѣстную епархіальную жизнь.

Память архіепископа Серапіона 1642 года начинается тѣми же словами, какъ и память патриарха Іоасафа, только съ измѣненіемъ названія рассылающаго ее лица и названія города, куда она адресована. „Вѣдомо убо намъ архіепископу, пишетъ Серапіонъ, отъ многихъ извѣстися, что въ Суздаль и по всѣмъ городамъ нашея архіепископы, въ соборныхъ и приходскихъ святыхъ Божіихъ церквахъ чинятца мятежи и соблазны и нарушеніе святыхъ нашея православныя христіанскія непорочныя вѣры, что въ святыхъ Божіихъ церквахъ зѣло поскору пѣніе Божіе, не по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ: говорятъ въ голосовъ пять и шесть и больши, совсякимъ небреженіемъ“ и т. д.—воспроизводится вся память патриарха Іоасафа тіуну Манойлову 1636 года 1).

1) Впрочемъ въ суздальской памяти встрѣчаются и нѣкоторыя измѣненія по сравненію съ московской, хотя и неособенно значительныя. Онѣ касаются прежде всего нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, неимѣющихъ значенія и происшедшихъ вѣроятно отъ переписчиковъ. Но кромѣ этихъ случайныхъ измѣненій въ отдѣльныхъ словахъ, въ суздальской памяти

Но воспроизведеніемъ московской памяти, съ нѣкоторыми въ ней измѣненіями и вставками, суздальскій архіепископъ

есть противъ московской и нѣкоторыя характерныя опущенія и вставки, именно: въ московской памяти говорится: „а въ церквѣ бы велѣли говорить голоса въ два, а *понуждѣ въ три голоса* опрочѣ экзапсалмовъ, а экзапсалмы бы по всѣмъ церквамъ говорили въ одинъ голосъ“. Въ суздальской памяти говорится: „а въ церкви велѣти говорить голоса *въ два*, а экзапсалмы по всѣмъ церквамъ говорити въ одинъ голосъ“; слова московской памяти: „а по нуждѣ (говоритъ) въ три голоса“, въ ней опущены. Очевидно архіепископъ Серапіонъ, сочувствовавшій, вѣроятно, единогласію, избираетъ среднну: онъ дозволяетъ говорить въ церкви въ два голоса, но не дозволяетъ говорить, хотя бы и по нуждѣ, въ три голоса, и тѣмъ самымъ, съ одной стороны, нѣсколько удовлетворяетъ сторонниковъ единогласія, а въ тоже время существенно не расходится въ этомъ пунктѣ и съ патриаршею памятью. О лицихъ въ московской памяти говорится: „днщимъ во время святаго пѣнія по церквамъ ходити милостыни прошати отнюдь не велѣти же, а велѣти имъ стояти и просити милостыни внѣ церкви, стояти въ притворѣ церковнѣмъ, егдаже православніи хрстіяне должны суть подати имъ до святаго пѣнія, входяще во святую церковь, послѣ пѣнія, исходяще изъ церкви, подаютъ. А во время святаго пѣнія имъ, въ церковь приходя, мятежу и соблазну никакого отнюдь чинити не велѣти, а велѣти имъ въ тѣ поры въ церкви Божіей стояти и слушати божественнаго пѣнія такожде со страхомъ и благоговѣніемъ, немаятежу“. Въ суздальской памяти все это мѣсто изложено такъ: „а ницимъ шпынямъ по церквамъ ходити отнюдь невелѣтъ“— и только. Сравнительно съ московскою памятью нѣ суздальской есть и нѣкоторыя вставки. Въ московской говорится: „а иные, полагають пелены на блюдѣ и свѣчи, собирають, рекуще: на созиданіе церквамъ; иніи же творятца малоумни, а потомъ ихъ видятъ цѣлоумныхъ“. Въ суздальской это мѣсто изложено такъ: „а иніи, полагають пелены на блюдѣ и свѣчи, собирають, рекуще: на созиданіе церквамъ, а потомъ ихъ мнози видятъ со льяницами; а иніи проданными себя называютъ и на окупъ просятъ; а иные творятца неистовыми нравы, и потомъ ихъ видятъ цѣлоумныхъ“. Въ московской памяти говорится; „чего нестрадахомъ: не плѣнена-ли земля, не вязы-ли быша гради, не падоша-ли безъ оружія, не помрошали скоти и не оскудѣша-ли нивы? И сія вся содѣяшася нынѣ предъ очима нашими въ наше наказаніе, и никакоже воспоминаухомъ ся! И тивуву Ивану Манойлову и пр.“ Въ суздальской памяти, послѣ словъ московской— „и никакоже воспоминаухомъ ся“ — находится слѣдующая довольно большая вставка: „и протопопомъ и священникомъ всякую службу вечерню и повечерницу, и утреннуду, и часы пѣти въ ризахъ; а которые хрстіяне бороды брѣютъ, и женскій полъ бѣлятца, и тѣмъ заповѣдать, чтобы впредь того не творили; и которые промышляють кабаками и тяжуются ходя хрестному цѣлованію, и промежъ себя любви не имѣють, живутъ во враждѣ и прелюбодѣйствѣ и въ блудѣ, и отъ таковыхъ въ церковь Божію принося отъ нихъ не принимать, дондеже обратятся отъ

Серапионъ однако неограничился. Онъ, съ своей стороны, къ московской памяти присоединилъ еще цѣлый рядъ собственныхъ своихъ распоряженій, разсужденій и увѣщаній, вызванныхъ, очевидно, особенностями мѣстной жизни и личными заботами архипастыря устранить и уврачевать недостатки нравственно-религіозной жизни мѣстнаго общества и духовства.

Архіепископъ предписываетъ, чтобы всѣ православные христіане обязательно постились въ великій постъ, „и кто достоинъ, они бы пречистому тѣлу и крови Христовѣ причащались; а коимъ недостойно причаститися, и они бы къ дорѣ приходили, а отнюдьбы никто отъ православныхъ христіанъ святаго великаго поста не постяся—не минули“, причемъ архіепископъ требуетъ прежде всего соблюденія этихъ пред-

такихъ злыхъ дѣлъ. Да священникомъ же дѣтей своихъ духовныхъ во вся воскресенія и въ праздники наказывать по заповѣди Божіей жити, и къ церкви Божіей велѣть приходи́ти по часту, чтобы не облѣвились. Да и самимъ бы вамъ протопопомъ и священникомъ и дьякономъ добро пожити къ великой духовной крѣпости и люди учти. Помните какову власть отъ Бога пріяхомъ: поставлены бо есте Христова стадо пасти словесныхъ овецъ, православныхъ христіанъ, а ни золота, ни сребра ради и никакихъ тлѣнныхъ вещей, но токмо о душахъ христіанскихъ пещися во дни и въ нощи, да како имамъ отвѣтъ воздати Богу во второе пришествіе: се азъ и дѣти, яже ми далъ Богъ“ Въ московской памяти повелѣвается, чтобы „позорною и безстудною бранію... отнюдь бы небранилися, таковыми словесы языка и душъ своихъ не сквернили“. Въ суздальской къ этому сдѣлана такая прибавка: „и блуда и прелюбодѣйства отнюдь удалялися, и содомскаго грѣха отнюдь блюлися, понеже бо за такія дѣла Содомъ и Гоморъ Господь огнемъ пожже“. Конецъ московской памяти со словъ: „да и самому бы тѣну Ивану Монопову, да старостѣ поповскому попу Панкратію велѣти у себя въ тѣнской избѣ сію память прочитати“ . и далѣе до конца памяти, въ суздальской изложенъ нѣсколько иначе, именно: да и сами бы есте протопопы и священники вся творили по сей памяти, и прочитали бы есте сію память почасту православному христіаномъ, кои къ вамъ въ церковь Божію приходятъ по воскреснымъ днемъ и по владычнымъ и богородичнымъ и нарочитыхъ святыхъ праздникамъ, и о томъ бы накрѣпко наказывали всѣхъ православныхъ христіанъ, чтобы творили такъ, какъ въ сей памяти написано, неотложно, съ великимъ утверженіемъ. Такожде бы и вы, священники, не безчинствовали и по кабакамъ не ходили и исправляли бы пѣние церковное благочинно и не лѣнностно по предавію св. апостолъ и св. отецъ и противъ сея памяти А старостамъ поповскимъ по мірскимъ по приходскимъ церквамъ дозировать почасту того церковнаго пѣнія и тово себѣ въ оплошку не ставити“.

писаній отъ самаго духовенства. „А буде вы сами (протопопы священники и дьяконы), пишеть архіепископъ, не учнете творити такъ, и отъ пьянства и отъ иныхъ неподобныхъ дѣлъ, яже писано въ сей памяти, не воздержитесь и дѣтей своихъ духовныхъ и прихожанъ не станете наказывать и поучать, и вамъ за то отъ насъ, архіепископа, быть въ великомъ жестокомъ наказаніи и въ пенѣ. А православніи христіаня, буде кой не учнетъ васъ слушати и во святой великій постъ не учнутъ поститися и на предняя дѣла злая своя обратятся: учнутъ блудъ и прелюбодѣйство творити, или хто пойдетъ къ крестному цѣлованью, или жены ихъ учнутъ лица свои премѣняти — на бѣсовскій обычай бѣллица, или иное какое дурно учнутъ дѣлать; и таковымъ православнымъ христіаномъ безчинникомъ запрещати, и въ церковь Божию не пущати, и приносу отъ нихъ никакова не примать, дондеже обратятца; и вамъ извѣщать на нихъ архіепископу, и отъ насъ такимъ безчинникомъ быти въ великомъ и жестокомъ наказаніи и въ пенѣ безпощады“.

Архіепископу вѣдомо учинилось, что въ земской избѣ, гдѣ ежегодно бывають сходы всѣхъ посадскихъ людей, „на томъ сходѣ, промежь вами, мірскими людьми, бывають мятежь великъ и брань велія о всякихъ податехъ, и бывають у васъ промежь васъ въ податехъ оклады: на иныхъ прибавка, а съ иныхъ сбавка; и въ тѣхъ у васъ окладахъ промежь вами бывають клятвы великіе и боженіе не по правдѣ“. Архіепископъ слышалъ далѣе, что во время раскладки въ земскую избу на сходѣ приносятъ образъ Христа „и предъ тѣмъ образомъ Христовымъ клятвы и боженія творите, а все не по правдѣ. А иніи—де безумніи человѣцы, на томъ у васъ сходѣ, къ тому пречестному образу въ томъ окладѣ на ротѣ и прикладываются, чтобы съ него подати сбавили“. Архіепископъ повелѣваетъ, чтобы „отселѣ впредь тако не творити, клятвы и боженія на кривѣ не глаголати, и къ пречестному образу Спасову на ротѣ во окладѣхъ податныхъ не ходити“. Нарушителямъ этого требованія—„тѣмъ безумнымъ людемъ отъ насъ, архіепископа, быть въ великомъ наказаніи, и велимъ тѣхъ безумныхъ человѣкъ отцемъ ихъ духовнымъ отъ церкви отлучити, и въ дома ихъ не велимъ ни съ какою святынею приходити“. А тѣмъ начальнымъ людямъ, которые все это будутъ допускать на будущихъ сходахъ, говоритъ архіепископъ:

скопъ, „будеть тоже наказаніе и запрещеніе отъ насъ и отъ отцевъ ихъ духовныхъ“.

Архіепископъ заявляетъ далѣе: „да увасъ, православныхъ христіанъ, слышимъ, что у васъ безумніи человѣцы лають другъ друга матерны, а иніи безумніи человѣцы говорятъ скаредныя и срамныя рѣчи, ихже невозможно писанію предати; а иніи, окаяніи человѣцы, творять блудъ и прелюбодѣйства и садомскія грѣхи“. Архіепископъ увѣщаетъ своихъ пасомыхъ „отъ таковыхъ богомерзкихъ дѣлъ отселѣ престати, и матерны другъ друга не бранити, и скаредныхъ и срамныхъ рѣчей не говорити, и блуда и прелюбодѣйства и садомскаго грѣха не творити“. Священниковъ онъ убѣждаетъ, что бы они всячески унимали своихъ прихожанъ „отъ таковыхъ богомерзкихъ дѣлъ“, причемъ замѣчаетъ: „да и самимъ бы вамъ, священникамъ и дяконамъ, житіе доброе жити, въ безмерное пьянство не вдаватися, и отъ всякихъ неподобныхъ дѣлъ уклонятися, и на кабакъ отнюдь не ходити... И аще сами священники удержатся отъ пьянства, то незазорно имъ будетъ и люди учить“. Свою рѣчь о пьянствѣ, замѣчаетъ архіепископъ, онъ обращаетъ не къ одному духовенству, но и ко всѣмъ пасомымъ, которыхъ онъ затѣмъ и научаетъ истинно христіанской жизни. „Подобаетъ, говоритъ архіепископъ, всѣмъ православнымъ христіаномъ имѣти любовь нелицемѣрну, ненавидяще злое, прилепляющеся благому братолюбіемъ другъ ко другу“ и т. д. Прерывая свои поученія ко всѣмъ православнымъ, Серапіонъ снова обращается исключительно къ священникамъ, какъ главнымъ исполнителямъ его архипастырскихъ предписаній, какъ призваннымъ руководить и наставлять въ доброй жизни другихъ. „Вы священники, поучаетъ архіепископъ, разсмотрите дѣтей своихъ духовныхъ, аще кто въ нихъ повиненъ, и беззаконникъ, и непокорливъ, и нечестивъ, и грѣшникъ, неправеденъ и скверенъ, хульникъ, отца и матери досадитель, мужебійца, блудникъ, мужеложникъ, клятвопреступникъ,—съ таковыми грѣшники не повелѣно ни пити, ни ясти;—и вы бы, священники, въ таковыхъ грѣсѣхъ кто у васъ обрящется, и вы бы имъ за такія грѣхи опитеми давали и запрещали бы впредь такихъ богомерзкихъ дѣлъ не творили“. А такъ какъ тогдашнее духовенство и само было заражено многими пороками и недостатками, то архіепископъ опять

обращается къ нему съ поученіемъ: „да и самимъ вамъ—священники и діакони, быти непорочнымъ, трезвымъ, цѣломудреннымъ, благоговѣйнымъ, честнымъ, страннолюбивымъ, учительнымъ, не пьяницамъ, не бійцамъ, не сварливымъ, не мшелоимцемъ; но кроткимъ, смотреливымъ, независтливымъ, несребролюбцемъ, свои дома добре правяще, чада своя имуще въ послушаніи со всякою чистотою; аще бо кто своего дому не умѣетъ правити, како о церкви Божіи прилежати возможно?“ Всѣхъ православныхъ христіанъ архіепископъ убѣждаетъ чтить и слушать своихъ священниковъ, любить братство, бояться Бога, чтить царя, повиноваться властямъ держащимъ, и присоединяетъ къ этому и еще другія общія нравственныя наставленія.

Обращаясь снова къ священникамъ архіепископъ запрещаетъ имъ, послѣ вѣнчанія, заходить на обѣды въ дома брачущихся двоеженцевъ и троеженцевъ, такъ какъ „возбранено есть святыми отцы іереемъ съ такими обѣдати у нихъ на брацѣхъ“. Въ то же время относительно священниковъ архіепископъ произноситъ такое практически важное сужденіе: „суть иже (священники) божественныя книги добре вѣдуще, словомъ же и дѣломъ и житіемъ цѣломудреннымъ, таковыхъ на большіи лучшіи степень повелѣваемъ возводить, благодареніе же и чести подати имъ многи, да и прочіи, окрестъ сущи, тверже будутъ вѣрою на сохраненіе нашего царства, якоже и карагенскаго собора правило 71 повелѣваетъ“.

Но, пишетъ архіепископъ, что бы церковная жизнь шла правильно, необходимо всѣмъ строго соблюдать церковныя постановленія, необходимо, что бы на самыя архіерейскія кафедры избирались люди достойные, способные истинно пасти стадо Христово. „Сиче убо, пишетъ онъ, послѣдующе и мы св. апостоль преданію и богоносныхъ отецъ, твержыша запрещенія положихомъ святѣй и апостольствѣй церкви, яко да грубымъ и худымъ неудобъ имъ будетъ восходити первое святительства, или же чрезъ божественныя повелѣнія возводя таковыя“. И приводя затѣмъ различныя свидѣтельства св. Писанія, подтверждающія его мысль, заявляетъ: „видиши ли, яко преслушанія ради божественныхъ книгъ и вся злая приходятъ на вы. Да аще убо въ ветхѣмъ законѣ толико казни и толико запрещенія, то кольми паче въ благодати

требенъ есть смотрѣніе велико имѣти. Повелѣхомъ бо сего ради на высоту святительства добръ могуща и крѣпкія возводити не тѣломъ, но душею и разумомъ, могущихъ на пажить обращати душа словесныхъ овецъ—паству Христову, иже поручени быша отъ Бога паствити подъ сѣнію церкви святыхъ божественныхъ таинъ, и затворити во оградѣ спасенныхъ заповѣдій, яко немощно будетъ звѣремъ входить и восхищати паству Христову и священное церковное смущающе исполненіе“.

Въ заключеніе своего окружнаго посланія архіепископъ Серапіонъ говоритъ, что нынѣ произошло смущеніе въ церкви „отъ вины брачныя“, и онъ, согласно соборному установленію, предписываетъ, чтобы четвертому браку „быти отвержену отнюдь“. Если же кто вступитъ въ четвертый бракъ, „всякого лишенъ будетъ собора церковнаго, и входа въ церковь святую, дондеже въ сожитіи: се бо отцемъ, прежде насъ бывшимъ, изволися; мы же волю явленѣйшу творящу, яко чужа христіанскаго житія сего отмѣщаемъ“. Третій бракъ, „человѣчестей повинующеся немощи“ архіепископъ признаетъ, но подъ условіемъ возложенія епитиміи на троебрачника. Если же, говоритъ архіепископъ, какой священникъ дерзнетъ троебрачущихся допустить до святаго причащенія ранѣ положеннаго епитимійнаго срока (отъ 3 хъ до 5 лѣтъ), то такой іерей „въ своемъ степени бѣду приметъ“, а незаконно сподобившійся причащенія „въ непріобщенныхъ стояти до скончанія шестаго лѣта“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ приведенной памяти суздальскаго архіепископа Серапіона, епархіальные архіереи, по поводу получаемыхъ ими жалобъ на различные церковные безпорядки, на нравственную распущенность духовенства и пасомыхъ, издавали отъ себя памяти, или окружныя посланія, адресованныя епархіальному духовенству и всѣмъ пасомымъ въ видахъ, путемъ запрещенія и угрозъ, увѣщаній и наставленій, исправить вкравшіеся въ мѣстную церковную и народную жизнь различные безпорядки и пороки.

¹⁾ Рукопись импер публ. библ. изъ собр. гр. Толстаго, по описанію Калайдовича и Строева, № 258, а по нынѣшнему библ. каталогу: Отд. П. 21, № 33; л. л. 122—162. Московская память тіуны Моноилову 1636 года напечатана въ Актъ Арх. эксп. Т. III, № 264.

Но одними запрещеніями и угрозами, одними увѣщаніями и назиданіями, устранить всѣ недостатки и нестроенія въ религіозно-нравственной жизни общества и самого духовенства было очень трудно. Поэтому, и послѣ изданія памятей духовными властями, осуждаемые въ нихъ недостатки и нестроенія продолжали существовать попрежнему, попрежнему они возбуждали неудовольствія и жалобы людей благочестивыхъ, искренно и сильно смущавшихся ими, и потому жалобы на церковные безпорядки, на распущенность духовенства и народа, непрекращались. Очевидно необходимо было, кромѣ изданія памятей, употребить еще и другія средства, которыя бы болѣе дѣйствительно содѣйствовали нравственно-религіозному подъему какъ духовенства, такъ и пасомыхъ.

На одну изъ такихъ мѣръ, болѣе живо и энергично способную воздѣйствовать на улучшеніе жизни и пастырской дѣятельности духовенства, указываетъ суздальская память. Въ ней архіепископъ повелѣваетъ священниковъ книжныхъ, учительныхъ, ведущихъ трезвую цѣломудренную жизнь, ревностныхъ къ надлежащему исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей, возводитъ на высшую степень т. е. на протопопскія мѣста съ тѣмъ, чтобы они служили живымъ нагляднымъ примѣромъ для всѣхъ другихъ пастырей, и чтобы эти другіе священники, смотря на нихъ—на воздаваемую имъ честь, стали повсемѣю подражать имъ, и такимъ образомъ жизнь духовенства сама собою стала бы постепенно улучшаться, а вмѣстѣ съ нею необходимо стала бы улучшаться и вся нравственно-религіозная жизнь пасомыхъ.

Указанную мѣру архіепископа Серапіона—выдвигать лучшихъ, выдающихся священниковъ, на видныя протопопскія мѣста, въ видахъ перевоспитанія духовенства и народа, въ широкихъ размѣрахъ постарался вскорѣ осуществить духовникъ царя Алексѣя Михайловича, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ, ставшій въ Москвѣ главою цѣлаго реформаторскаго кружка ревнителей благочестія и получившій особое, исключительное вліяніе на ходъ всѣхъ тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ.

Благовѣщенскій протопопъ Степанъ Вонифатьевичъ, выдвинувшійся на первое мѣсто въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ съ возшествіемъ на престолъ царя Алексѣя Михайловича, какъ его духовникъ, по одному современному извѣ-

стію, былъ „мужъ благоразуменъ и житіемъ добродѣтеленъ, слово учительное во устахъ имѣяй“. Свою учительность Стефанъ направлялъ прежде всего на самаго юнаго царя. Онь, говоритъ біографъ Неронова, „всегда входя въ царскія палаты, глаголаша отъ книгъ словеса полезная, увѣщевая съ слезами юнаго царя ко всякому доброму дѣлу, и врачуя его царскую душу отъ всякихъ злыхъ начинаній“. Даже ночью царь приходилъ къ своему духовнику, чтобы принять отъ него благословеніе и побесѣдовать съ нимъ на единѣ. Въ видахъ воспитанія и нравственнаго воздѣйствія на царя, Стефанъ или самъ читалъ предъ царемъ, или давалъ ему самому читать тѣ или другія назидательныя и учительныя книги. Нероновъ, въ письмѣ къ Стафану изъ Вологды, отъ 13 іюля 1654 г., пишетъ: „преподобнаго отца Θεодора Исповѣдника, игумена Студійскаго, житія къ тебѣ послахъ, моля, да часто почитаеши его предъ благочестивымъ царемъ, чтобы ему, государю, вѣстно было. Пачеже и великаго свѣтильника и вселеннѣй учителя воистинну и покаянію проповѣдника, Іоанна Златустаго житіе почитати молихъ тя“. Очевидно, чтеніе Стефаномъ книгъ предъ царемъ, или передача имъ книгъ царю для прочтенія, было явленіемъ обычнымъ. Какъ сильно и замѣтно было вліяніе Стефана на молодаго царя и окружающихъ его лицъ, это, между прочимъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: старинный, свято всѣми соблюдавшійся обычай, требовалъ, чтобы свадьбы праздновались возможно пышно, шумно и весело, что бы на нихъ все пѣло, плясало, много пило и всячески веселилось, и никто не рѣшался отступать отъ установившагося взгляда на характеръ свадебнаго пира,—иначе и свадьба была бы не въ свадьбу. Царскія свадьбы доселѣ носили тотъ же характеръ. Но когда Алексѣй Михайловичъ вступилъ въ бракъ съ Марією Милославской, „тогда честный оный протопопъ Стефанъ и моленіемъ и запрещеніемъ устрои не быти въ оно брачное время смѣху никакому, ниже кощунамъ, ни бѣсовскимъ играніямъ, ни пѣснемъ студнымъ, ни сопельному, ни трубному козлогласованію“. И хотя это требованіе благочестиваго духовника шло рѣшительно въ разрѣзъ съ вѣковыми обычаями, всѣми свято соблюдаемыми, „моленіе и запрещеніе“ глубоко уважаемаго духовника взяло верхъ: свадьба царя Алексѣя Михайловича дѣйствительно совершилась „въ ти-

шинѣ и страстѣ Божіи, и въ пѣніихъ и пѣсняхъ духовныхъ“: вмѣсто прежнихъ „пѣсней студныхъ“ на ней пѣли „строчные и демественные большіе стихи, также и тріодей драгія вещи“ ¹⁾.

Поучая и назидая царя, заботясь о томъ, чтобы царскій домъ въ своей жизни, во всемъ своемъ домашнемъ обиходѣ, былъ примѣромъ и образцомъ для подданныхъ, Стефанъ Вонифатьевичъ въ тоже время не опускалъ случая дѣйствовать своими поученіями и на окружающихъ царя вельможъ, чтобы и въ нихъ возрастить сѣмена благочестія, и подвигнуть ихъ къ строгому соблюденію правды и справедливости въ ихъ общественно-государственной дѣятельности. Бісграфъ Неронова увѣряетъ, что Стефанъ „зѣло пекійся о спасеніи души благочестиваго царя, млада суца, да несовратится умъ его въ нѣкая злая“, въ то же время „и бояръ увѣщеваше съ слезами непрестанно, да имуть судъ правый безъ мзды, и не на лица зряще да судятъ, яко да не внійдетъ отъ нѣкоторыхъ обиденныхъ и до конца раззорившихся вопль и плачь во уши Господа Саваоѳа“.

Поученія и назиданія кроткаго и миролюбиваго царскаго духовника не только никого не раздражали и не возбуждали противъ него, но царь и бояре „въ сладость послушаше его и любяше всею душею, яко истаго си отца“. Протопопъ Аввакумъ въ одномъ случаѣ замѣчаетъ, что при царскомъ духовникѣ Стефанѣ „вся быша тихо и немятежно ради его слезъ и рыданія и *негордаго ученія*“ ²⁾.

Стефанъ заботился о наученіи и назиданіи не только царя и бояръ, но и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя могли и любили почитать книги учительнаго и назидательнаго характера. Для этой цѣли въ 1648 году въ Москвѣ издана была, по свидѣтельству дьякона Ѳедора, „тщательствомъ благаго духовника царя“ книга о Вѣрѣ, написанная кіевляниномъ Нафанаиломъ, игуменомъ кіевскаго Михайловскаго монастыря. Вѣроятно не безъ поощренія Стефана Вонифатьевича издавались тогда въ Москвѣ и другія просвѣтительныя и учительныя книги, заимствованныя изъ южно-русскихъ произве-

¹⁾ Мат. для ист. раск. I, 97, 272—273. Забѣлина: Домъ бытъ рус. царицъ, стр. 451.

²⁾ Мат. V, 122.

деній, каковы, напримѣръ: славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, съ обширнымъ и очень важнымъ по своему содержанію предисловіемъ, изданная въ 1648 году; въ слѣдующемъ 1649 году „ради ученія и вѣдѣнія всѣмъ православнымъ христіанамъ, наипаче дѣтемъ учащимся“, напечатанъ былъ такъ называемый малый Катихизисъ, представляющій изъ себя простую перепечатку краткаго Катихизиса Петра Могилы и т. д. ¹⁾ Что Стефанъ Вонифатьевичъ сочувствовалъ киевлянамъ и киевской учености, это видно и изъ того, что его другъ—извѣстный Феодоръ Ивановичъ Ртищевъ, въ бесѣдахъ съ которымъ онъ проводилъ иногда цѣлыя ночи, устроилъ около Москвы Андреевскій монастырь, и заселилъ его нарочно вызванными для этой цѣли южно-русскими монахами. Точно также и вызовъ въ Москву извѣстныхъ ученыхъ киевлянъ: Арсенія Сатановскаго, Дамаскина Птицкаго и Епифанія Славинецкаго, за которыми послѣдовали и другіе, конечно совершился съ благословенія Стефана Вонифатьевича,—безъ его прямого одобренія и поощренія молодой царь не рѣшился-бы на такую мѣру.

Стефанъ Вонифатьевичъ былъ не только поклонникомъ киевской учености, не только заботился о перенесеніи въ Москву киевскихъ ученыхъ произведеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и убѣжденный грекофилъ, считавшій необходимымъ тѣсное во всемъ единеніе русской церкви съ вселенскою греческою, признававшій, что греческіе патріархи, и современные греки вообще, строго православны, что у нихъ церковный чинъ и обрядъ сохранился въ его древнемъ первоначальномъ видѣ, и что если онъ въ чемъ несходенъ съ современнымъ русскимъ церковнымъ чиномъ и обрядомъ, то это потому, что русскія церковныя книги, нѣкоторыя церковныя чины и обряды именно у насъ, а не у грековъ, подверглись порчѣ и измѣненію. Въ 1648 году, какъ мы говорили, была издана Стефаномъ Вонифатьевичемъ книга о Вѣрѣ, которая уже въ первые два мѣсяца съ небольшимъ разошлась въ количествѣ 850 экземпляровъ, что указываетъ на крайне большой спросъ на эту книгу и на ея быструю распространенность въ тогдашней читающей публикѣ. А между тѣмъ въ ней самымъ рѣшительнымъ образомъ о гре-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ въ нашей книгѣ: Патріархъ Никонъ, стр. 14—18.

ческой тогдашней церкви и восточныхъ греческихъ патріархахъ дѣлаются такія заявленія: „святая восточная въ грецѣхъ обрѣтенная церковь правымъ царскимъ путемъ, аще и вельми тѣснымъ, но обаче отъ Іисуса Христа Бога и Спаса нашего и истинныхъ его наслѣдниковъ утлаченнымъ, ни направо, ни налѣво съ пути не совращаяся къ горнему Іерусалиму сыны своя прерождаетъ, въ поданномъ отъ Господа Бога терпѣніи; и ни въ чемъ установленія Спасителя своего и блаженныхъ его учениковъ, и святыхъ отецъ преданія, и седми вселенскихъ соборовъ, *Духомъ Святымъ собраннымъ уставъ не нарушаетъ, ни отменяетъ, и въ малѣйшей части не отступаетъ, не прибавляя, ни отнимая что,* но яко солнце одинакою лучею правды всегда, аще и въ неволи пребывая, свѣтитъя правою върою. А чтобы лучше православныи христіане въ той мѣрѣ вѣдомость могли имѣти, яко стадо Божіихъ овецъ, въ греціи живущихъ, аще тѣлесную чувственную, отъ тѣлеснаго и чувственнаго врага неволю терпятъ, но въру истинную, и совѣсть свою чисту и нескверну, Царю надъ всѣми цари и Богу сохраняютъ. Ничегожъ бо турци отъ вѣры и отъ церковныхъ чиновъ отнимаютъ, точію дань грошовую отъ грековъ приемятъ, а о дѣлахъ духовныхъ и о благоговѣнствѣ нимало не належатъ, и не вступаютъ въ то. И якоже люди Божіи, егда въ работѣ египетской были, вѣры не отпадоша, и первіи христіане, въ триста лѣтъ въ тяжкой неволи будучи, вѣры не погубиша; тѣмъ же образомъ и въ нынѣшнее время въ неволѣ турецкой христіане вѣру православную цѣлу соблюдаютъ... *ди заградятся всякая уста глаголющихъ неправду, гордынею и уничиженіемъ, на смиренныхъ грековъ!*“ „Помощію Господнею въ восточной церкви четырехъ верховнѣйшихъ пастырей, по подобію четырехъ евангелистовъ, имѣемъ... Служати восточная церкве и патріарха константинопольскаго и прочихъ четырехъ, творитъ намъ ону пользу: благословеніе временное и спасеніе вѣчное. *Русейскому народу патріарха вселенскаго, архіепископа константинопольскаго, слушати, и ему подлежати и повиноватися въ справахъ и въ науцѣ духовной есть польза, и приобрѣтеніе велие, спасительное и вѣчное*“ ¹⁾... Думать, что эти и подобныя мѣста книги о Вѣрѣ

1) Главы: 2, 20, 25.

относительно тогдашней греческой церкви явились только потому, что онѣ находились въ южно-русскомъ подлинникѣ, простымъ дословнымъ воспроизведеніемъ котораго явилось Московское изданіе, что въ Москвѣ имъ вовсе не придавали того значенія, какое онѣ имѣютъ сами по себѣ, рѣшительно невозможно. Воззрѣнія книги о Вѣрѣ на тогдашнихъ грековъ слишкомъ противорѣчили ходячимъ московскимъ представленіямъ поэтому предмету, и потому никакъ не могли остаться незамѣченными какъ самимъ издателемъ, такъ и многочисленными читателями самой книги. На оборотъ, именно эти воззрѣнія на грековъ и были, конечно, главною причиною, почему Стефанъ Вонифатьевичъ „съ тщательствомъ“ занялся изданіемъ книги о Вѣрѣ: онъ сознательно хотѣлъ этою книгою подготовить московское читающее общество къ той мысли, что задуманное имъ и царемъ приведеніе русской церкви къ полному во всемъ единству съ тогдашнею греческою церковію, не должно вызывать какихъ либо недоумѣній, а тѣмъ болѣе протестовъ, какъ явленіе вполне естественное и законное, что предубѣжденіе русскихъ противъ современной греческой церкви—ошибочно, несправедливо и отъ него слѣдуетъ отказаться ¹⁾. Тѣмъ болѣе Стефанъ Вонифатьевичъ могъ рассчитывать на подобное именно впечатлѣніе въ московскомъ обществѣ отъ изданной имъ книги, что уже и ранѣе появившаяся въ Москвѣ Кириллова книга, тоже рѣшительно заявляла: „четыре вселенскія патріархи даже и до днесь, cadaго лѣта соборнѣ, такоже и по единому, писаньми своими право и неизмѣнно вѣру данную имъ отъ святыхъ апостолъ, и ихъ учениковъ, и седми вселенскихъ соборовъ, и помѣстныхъ соборовъ, ни въ чемъ не разрушающе, ни прикладая, ни отлагая проповѣдали и проповѣдуютъ, держали и держатъ, и славятъ пресвятую Троицу, Отца и Сына и Св. Духа“ ²⁾.

Но особенно ярко грекофильство Стефана Вонифатьевича сказалось въ той дѣятельности, какую онъ, и его духовный

---

¹⁾ Въ этихъ видахъ Стефанъ Вонифатьевичъ позаботился, чтобы книга о Вѣрѣ получила возможно быстрое и широкое распространеніе среди московскаго общества, чего онъ, какъ мы видѣли, и достигъ: Книга о Вѣрѣ раскупалась въ Москвѣ очень быстро и для того времени въ большомъ количествѣ экземпляровъ

²⁾ Л. 93.

сынъ—царь Алексѣй Михайловичъ, проявили подѣ конецъ патріаршества Іосифа, а такъ же въ избраніи и поставленіи въ патріархи Никона, и въ дѣятельной поддержкѣ его греко-фильской реформы, о чемъ мы будемъ говорить ниже.

За свой высокій нравственный характеръ, за свою кротость и миролюбіе, за свое смиреніе, соединенное съ глубокимъ благочестіемъ, Стефанъ Вонифатьевичъ пользовался величайшимъ уваженіемъ не только царя, Ртищева, Никона, но и всѣхъ вообще близко знавшихъ его лицъ. Нероновъ, въ своихъ письмахъ, называетъ Стефана „мужемъ строящимъ миръ церкви“, „подобнымъ Давидови незлобіемъ и кротостію“, заявляетъ, что онъ „дивится его смиренію и простоправію блаженному“. Игумень Θεоктистъ, въ письмѣ къ Стефану отъ 15 іюля 1654 года, величаетъ его „великій отче и дивный моему смиренію покрове, пачеже стѣно по Бозѣ и заступниче, вселюбезный нашъ по Бозѣ пастырю и учителю“. Протопопъ Аввакумъ, не имѣвшій 'обычая говорить добраго 'слова о тѣхъ, кто не согласенъ былъ съ нимъ въ убѣжденіяхъ, не смотря на то, что Стефанъ „всяко ослабѣлъ“ т. е. стоялъ на сторонѣ Никона, сохранилъ о немъ однако самое доброе воспоминаніе,—время Стефана всегда представлялось ему самымъ лучшимъ и свѣтлымъ. Въ челобитной государю, по возвращеніи изъ Дауръ, когда Стефана уже не было въ живыхъ, онъ пишетъ: „добро было при протопопѣ Стефанѣ, яко вся быша тихо и не мятежно ради его слезъ и рыданія и негордаго ученія: понеже не губилъ никого Стефанъ до смерти, якоже Никонъ, ниже поощрялъ на убіеніе. Тебѣ свѣту (т. е. царю) самому житіе его вѣстно“. Рассказывая о своемъ заключеніи въ Андроньевскомъ монастырѣ, гдѣ онъ три дня сидѣлъ безъ пищи и питья, Аввакумъ замѣчаетъ: „тутъ мнѣ пищу принесе ангель за молитвъ святаго отца протопопа Стефана“. Въ посланіи къ нѣкому Симеону Аввакумъ замѣчаетъ: „при духовникѣ протопопѣ Стефанѣ Алексѣюшко-то съ Марьюшкою (т. е. царь съ царицей) добры до насъ были и гораздо, яко Аркадій и Евдокія къ Иванну“. Въ одномъ случаѣ Аввакумъ обращается къ царю: „воздохнитко по старому, какъ при Стефанѣ бывало, добренько“. Дьяконъ Федоръ называетъ Стефана, въ противоположность Никону, добрымъ¹⁾.

¹⁾ Мат для ист раск т. I, стр. 85, 91, 104, 109—110; т V, стр. 122, 125, 220; т. VI, 197; т. VIII, 44.

Такъ какъ личная учительная и назидательная дѣятельность Стефана сосредоточена была только въ предѣлахъ царскаго двора и круга только придворныхъ лицъ, на которыхъ онъ непосредственно могъ оказывать свое дѣйствіе, а между тѣмъ Стефанъ имѣлъ въ виду болѣе широкія цѣли: воспитывать въ благочестіи весь народъ, то онъ и постарался изъ среды извѣстнаго ему духовенства выдвинуть такихъ лицъ, которые бы всюду въ народѣ были проводниками и исполнителями его предначертаній. Царь вполне раздѣлялъ планы Стефана и потому послѣднему легко было поставить въ разныхъ городахъ на видныя протопопскія мѣста такихъ священниковъ, которые были извѣстны ему строгою благочестивою жизнію, начитанностію и учительностію, ревностію въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, готовностію бороться съ различными общественными пороками и недостатками и т. под. Ревнители, поставленные Стефаномъ на протопопскія мѣста по разнымъ городамъ, должны были, съ одной стороны, служить примѣромъ и образцомъ для всего подчиненнаго имъ духовенства, бороться съ его распущенностію и недостатками, поучать и направлять его къ правильному достойному отправленію своихъ пастырскихъ обязанностей, и тѣмъ поднимать уровень пастырской дѣятельности всего духовенства; съ другой стороны, они, каждый въ своемъ приходѣ и городѣ, должны были учить, наставлять и обличать своихъ пасомыхъ, смѣло и неустанно бороться съ народными пороками, недостатками, съ народными грубыми развлеченіями, съ народными языческими игрищами и суевѣріями, съ недостатками въ народѣ настоящей религіозности и церковности и т. под. Изъ этихъ ревнителей, разсѣянныхъ по разнымъ городамъ, по преимуществу патріаршей области, образовался особый, довольно тѣсно сплоченный, кружокъ, главою, руководителемъ и опорю котораго былъ Стефанъ Вонифатьевичъ, всегда готовый поддержать ревнителей въ ихъ трудномъ и отвѣтственномъ служеніи, оградить ихъ отъ обидъ и насилій, предстательствовать за нихъ предъ царемъ, и доводить до свѣдѣнія государя ихъ ходатайства о тѣхъ или другихъ мѣрахъ, проведеніе которыхъ они считали необходимымъ для успѣха ихъ нравственно-просвѣтительной дѣятельности въ народѣ.

Въ составъ кружка ревнителей благочестія вошли извѣ-

стныя потомъ лица: Нероновъ, Аввакумъ, Даниилъ, Лазарь, Логгинъ. Изъ нихъ самымъ виднымъ и дѣятельнымъ помощникомъ Стефана былъ Іоаннъ Нероновъ, котораго Стефанъ нарочно изъ Нижняго Новгорода перевелъ въ Москву и сдѣлалъ протопопомъ московскаго Казанскаго собора, потому что, говоритъ біографъ Неронова: „та церковь посреди торжища стоитъ, и многъ народъ по вся дни непрестанно въ ней бываетъ, да слышаще его ученіе сладкое народъ отвратятъ сердца своя отъ злыхъ обычаевъ и навькнутъ добрыхъ дѣлъ. Ибо въ оная времена въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и въ иныхъ російскихъ градахъ, изсякло бѣ ученіе, и уклонилися бяху людѣ въ небреженіе и слабость и во многія игральща“. Очевидно Стефанъ имѣлъ въ виду сдѣлать въ Москвѣ изъ Неронова народнаго церковнаго проповѣдника и дать въ его лицѣ образецъ московскому духовенству, какъ ему слѣдуетъ настоящимъ образомъ отправлять церковныя службы и всѣ вообще свои пастырскія обязанности. Нероновъ такъ именно и понялъ задачу и цѣль своего переселенія въ Москву. Онъ сталъ здѣсь — въ Казанскомъ соборѣ, самымъ истовымъ образомъ отправлять положенныя церковныя службы, ввелъ въ нихъ строгое единогласіе, сталъ постоянно читать въ церкви отеческія поученія и толковать ихъ народу, чѣмъ и произвелъ очень сильное впечатлѣніе на москвичей, которые толпами направлялись въ Казанскій соборъ, такъ что въ немъ не могли даже помѣститься всѣ желавшіе слушать Іоанна. И этихъ, невмѣщавшихся въ храмъ, Нероновъ не хотѣлъ оставить безъ наученія и назиданія: онъ „написа окрестъ стѣны святыя церкви поучительныя словеса, да всякъ отъ народа, приходяй къ церкви, аще и кромѣ стѣны, не простираетъ ума своего на пустошная міра сего, но да прочитаетъ написанная на стѣнахъ, и пользу душъ пріемлетъ“. Нерѣдко въ Казанскій соборъ пріѣзжалъ и самъ царь со всею семьею, чтобы слушать поученія Іоанна ¹⁾.

Подобныхъ же характеромъ т. е. истовостію въ исполненіи разныхъ церковныхъ службъ, учительностію, энергичною борьбою съ различными общественными пороками и недостат-

---

¹⁾ Предшествовавшая переселенію въ Москву жизнь и дѣятельность Неронова подробно изложены нами въ нашей книгѣ: *Патріархъ Никонъ*, стр. 107—113.

ками, отличались и другіе члены кружка ревнителей. Достаточно въ этомъ случаѣ припомнить знаменитаго протопопа Аввакума, его подвиги въ борьбѣ съ нечестіемъ, его многія злостраданія за обличеніе людской неправды, людскихъ пороковъ и недостатковъ, его великую способность переносить все, чтобы „грѣшницы не дѣлали на хребтѣ его“. Познакомившись съ Аввакумомъ, Стефанъ Вонифатьевичъ на первый разъ „благословилъ его образомъ Филиппа митрополита, да книгою св. Ефрема Сирина, себя пользоваться прочитая и люди“, и потомъ, убѣдившись въ горячей ревности Аввакума по благочестію, въ его готовности энергично бороться съ общественными неправдами, пороками и недостатками, Стефанъ назначаетъ Аввакума протопопомъ Юрьевца Повольскаго. Когда Аввакумъ за свои рѣзкія обличенія былъ сильно побитъ въ Юрьевцѣ и бѣжалъ въ Москву, гдѣ явился къ Стефану, то Стефанъ, рассказываетъ Аввакумъ, „на меня учинился печалень: на что—де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ горе! Царь-пришелъ къ духовнику благословиться ночью; меня увидѣлъ тутъ; опять кручина: на что-де городъ покинулъ?“ Понятно недовольство царя и Стефана бѣгствомъ Аввакума изъ Юрьевца: Аввакумъ и поставленъ былъ въ юрьевскіе протопопы именно для борьбы съ царившими тамъ среди духовенства и народа пороками, а онъ, при первой непріятности, ничего не сдѣлавъ, малодушно бросаетъ свой важный, отвѣтственный постъ и бѣжитъ въ Москву.

Книжностію, учительностію, борьбою съ общественными пороками и недостатками отличались и другія лица бѣлаго духовенства, выдвинутыя Стефаномъ, и получившія благодаря ему протопопскія мѣста по разнымъ городамъ. Такъ костромской протопопъ Даніилъ за свои ревностныя обличенія былъ, подобно Аввакуму, изгнанъ изъ Костромы. Объ учительствѣ Логгина сохранилось извѣстіе у Олеарія, который говоритъ, что Логгинъ въ 1653 году сталъ говорить проповѣди и хотѣлъ ввести этотъ порядокъ въ подвѣдомственномъ ему духовенствѣ, въ чемъ уже и имѣлъ большой успѣхъ. Но патріархъ, узнавъ объ этомъ, воспылалъ гнѣвомъ, отрѣшилъ отъ мѣста, предалъ анаѹемъ и сослалъ въ Сибирь. Извѣстна также челобитная жителей Мурома къ архіепископу рязанскому и муромскому Мисаилу съ похвалами Логгину и съ просьбою возвратитъ его паствѣ. Въ челобитной

говорилось, что Логгинъ мужъ учительный, „по вся дни, нощи и часы“ проповѣдывалъ слово Божіе, вразумлялъ невѣжественныхъ, а „враговъ Божіихъ, церковныхъ мятежниковъ, противящихся преданію св. Апостолъ, обличалъ, и отъ стада Христова отгонялъ“, и что именно эти враги, изъ боязни его обличеній, ложно оклеветали его, а между тѣмъ съ удаленіемъ Логгина изъ Мурома, явилось въ городѣ „въ православной вѣрѣ христіаномъ раздѣленіе“, мятежники возстали на почитателей благочестія, которымъ теперь приходится бѣжать изъ города, почему челобитчики и просятъ воротить въ Муромъ Логгина. О книжности и способности къ учительству романо-борисоглѣбскаго попа Лазаря говорить его обширная челобитная противъ новоисправленныхъ книгъ, которая опровергается въ книгѣ: *Жезль правленія*.

Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Логгинъ и другіе протопопы и священники, разсѣянные по разнымъ городамъ московскаго государства, ревновавшіе о подъемѣ нравственно религіозной жизни духовенства и всего народа, составляли изъ себя, въ кружкѣ ревнителей благочестія, особую группу, которую мы, въ отличіе отъ кружка ревнителей столичныхъ (о нихъ рѣчь ниже), назовемъ провинціальною, такъ какъ въ нѣкоторыхъ своихъ воззрѣніяхъ эта группа существенно разнилась отъ воззрѣній группы столичныхъ ревнителей, вслѣдствіе чего между ними, съ теченіемъ времени, и произошелъ разрывъ, вызвавшій расколъ въ русской церкви.

Объ общемъ характерѣ дѣятельности провинціальнаго кружка ревнителей Нероновъ въ своей челобитной царю изъ Спасокаменнаго монастыря, отъ 2 ноября 1653 года, говоритъ такъ: „а при отцѣ твоємъ царевѣ, блаженные памяти при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Феодоровичѣ всея Русіи, тѣ страдальцы (т. е. Аввакумъ, Даніилъ, Логгинъ и Лазарь) многа лѣта были, и порока въ нихъ, государь, никакова къ вамъ, государемъ, не явилоса... А они въ тѣ лѣта безпрестанно къ вамъ, государемъ, на всякія бещинныя извѣщали, и святѣйшимъ патріархомъ блаженныя памяти, и прочимъ властемъ о утвержденіи святыхъ церквей, что вамъ, государемъ, вѣстно было. И вы, государи, ко утверженію церкви, вышняго Бога помощію, десницею своею помощь подавали“. И въ посланіи къ царицѣ, отъ 2 мая 1654 года, тотъ же Нероновъ говоритъ: „яко же и древле

начальникъ вѣры и спасъ душъ нашихъ владыка Христосъ зависти ради пострадалъ отъ жидовъ; сие и тіи (т. е. Аввакумъ, Даніилъ и др.) мучени, и томлени, и изгнани, ради проповѣди закона, и ради ученія, и за еже понуждати имъ на благое всѣхъ человѣкъ, ревность имуща, да не единъ отъ христіанъ праваго пути погрѣшитъ, но вси спасеніе да улучаютъ и чисти предъ сотворшимъ ны предстануть въ день праведнаго суда, иже и воздастъ комуждо по дѣломъ его“¹⁾.

Такимъ образомъ, по заявленію самихъ провинціальныхъ ревнителей, ихъ особенная задача и призваніе состояли прежде всего въ томъ, чтобы они „на всякія бещинныя извѣщали государемъ“, и чтобы патріархамъ и другимъ властямъ подавали челобитныя „о утвержденіи святыхъ церквей“ т. е. ходатайствовали предъ духовными властями объ уничтоженіи разныхъ церковныхъ безпорядковъ и нестроений, которыя такъ рѣзко тогда проявлялись въ нашей церковной жизни и на которыя указывалось въ ихъ челобитныхъ. Затѣмъ задачей ревнителей, по ихъ выраженію, была „проповѣдь закона“ и наученіе, съ цѣлію побуждать всѣхъ на благое, чтобы никто изъ христіанъ не уклонялся отъ праваго пути, „но вси спасеніе да улучаютъ“. Этими задачами, по мнѣнію провинціальныхъ ревнителей, и исчерпывалась вся дѣятельность кружка, въ осуществленіи только этихъ задачъ состояло и должно состоять все его назначеніе²⁾. При этомъ кружку провинціальныхъ ревнителей благочестія совершенно была чужда мысль о признаніи неисправности самыхъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, церковныхъ чиновъ и обрядовъ: нечинно, неправильно, небрежно совершаются духовенствомъ церковныя службы, нетакъ, какъ требуетъ уставъ и святые отцы; пороки и нехристіанскіе обычаи царятъ въ народѣ, а пастыри объ этомъ не радятъ,—вотъ только о чемъ постоянно твердятъ всѣ ихъ челобитныя. О томъ, что нужно исправлять самыя наши церковныя книги, чины и обряды, какъ погрѣшительные, что для этого нужно приглашать въ Москву ученыхъ кіевлянъ и грековъ и имъ поручить въ Москвѣ книжную справку, что слѣдуетъ у нихъ

¹⁾ Маг I, 36, 80

²⁾ Частнѣе эта дѣятельность кружка ревнителей подробно указана въ нашей книгѣ: Патр. Никонъ, стр 117—128.

учиться разнымъ наукамъ, такъ какъ и вся вообще московская жизнь нуждается въ обновленіи съ помощію иноземной науки и просвѣщенія,—провинціальныя ревнители вовсе и не думали, подобныя мысли были имъ совершенно чужды и даже вовсе непонятны. Они, если и признавали недостатки современной имъ нравственно-религіозной и церковной жизни, признавали долгъ пастырей энергично бороться съ ними, то, въ тоже время, во взглядѣ на русскую церковь вообще и на отношеніе ея къ греческой церкви, стояли на почвѣ тѣхъ исторически сложившимся у насъ воззрѣній, которыя были высказаны нѣкоторыми нашими книжниками еще въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, по которымъ русской церкви отводилось первое мѣсто въ ряду другихъ православныхъ церквей, которыми Русь признавалась единственною хранительницею и опорю чистаго, ни въ чемъ неповрежденнаго православія, уже нѣсколько замутившагося у самихъ грековъ. Москва—это третій Римъ, заступившій мѣсто новаго Рима—Константинополя; въ дѣлѣ православія русскіе заняли мѣсто прежнихъ грековъ, такъ какъ только у однихъ русскихъ сохранилась теперь правая, ни въ чемъ неизмѣненная вѣра; только на одной Руси, сравнительно со всѣми другими странами, „большее есть православіе и высшее христіанство“, только одна русская держава цвѣтетъ теперь „совершеннымъ благочестіемъ, какъ свѣтъ солнечный“; тогда какъ у самихъ грековъ „вѣра православная испроказиса Махметовою прелестью отъ безбожныхъ турокъ“, вслѣдствіе чего она стала у нихъ ниже и несовершеннѣе во всемъ совершенной вѣры русской. На почвѣ именно этихъ воззрѣній, высказанныхъ еще въ началѣ XVI вѣка, по преимуществу старцемъ Елеазарова монастыря Филошеемъ, и стояли провинціальныя ревнители. Правда, они допускали, что въ русской церковной жизни есть свои недостатки и погрѣшности; но эти недостатки и погрѣшности заключаются не въ самыхъ церковныхъ обрядахъ и чинахъ, а только въ неправильномъ, или небрежномъ выполненіи ихъ пастырями церкви, которые дѣйствительно и нуждаются въ наученіи, или исправленіи. Сама же русская церковь, по убѣжденію провинціальныхъ ревнителѣй, до самыхъ послѣднихъ обрядовыхъ мелочей, всегда оставалась и остается вѣрною во всемъ истинному православію, никогда ни въ чемъ не измѣняла ему, ни въ чемъ,

даже въ самомъ незначительномъ обрядѣ, ничего не утерала изъ него, такъ какъ на Руси всегда твердо и неизмѣнно держались той мысли, что „не точію въ вѣрѣ, но ни въ малѣйшей частицѣ каноновъ и пѣсней, что ни у какого слова, не у какой рѣчи ни убавить, ни прибавить ни единого слова недолжно“, „что православнымъ нужно умирать за едину букву азъ“. Если же русская церковь въ нѣкоторыхъ своихъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ и порознилась съ современною греческою церковію, то это потому, что позднѣйшіе греки не остались во всемъ вѣрны православію, но кое-что утерали изъ него, допустивъ у себя разныя новшества, вслѣдствіе чего у современныхъ грековъ самое православіе сдѣлалось „пестро“, а благочестія у нихъ, „и слѣду нѣтъ“. Въ виду этого все церковное греческое, идущее на Русь, должно, по мнѣнію провинціальныхъ ревнителей, подвергаться самой строгой и тщательной провѣркѣ русскимъ, и только то, что найдетъ себѣ оправданіе въ русской церковной жизни и практикѣ, можетъ быть отъ грековъ принимаемо и русскою церковію; все же, что у грековъ несогласно съ русскимъ, должно быть безусловно отвергнуто, какъ чуждое православію, какъ превзошедшее въ греческую церковную жизнь въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ иновѣрія и главнымъ образомъ латинства, ибо единственно вѣрный критерій для опредѣленія того, что истинно православно и что нѣтъ, теперь находится не у грековъ, а только у русскихъ. Поэтому: вносить въ русскую церковную жизнь что либо греческое, несогласное съ русскимъ, исправлять русскіе церковные чины и обряды по образцу современныхъ греческихъ, значило, по мнѣнію провинціальныхъ ревнителей, завѣдомо развращать чистое, ничѣмъ и никогда неоскверненное русское православіе, значило вносить въ него латинскія ереси.

Точно также провинціальные ревнители благочестія признавали, что въ русскихъ церковныхъ книгахъ находятся нѣкоторыя ошибки и погрѣшности, внесенныя въ нихъ небрежными и невѣжественными переписчиками, и что съ этой стороны русскія книги дѣйствительно нуждаются въ исправленіи. Но они рѣшительно не допускали той мысли, что бы русскія церковныя книги были очень испорчены и притомъ

настолько, что заключали въ себѣ чуть не ереси, чтобы их слѣдовало исправлять или вновь переводить по греческимъ печатнымъ книгамъ. Если они и признавали греческія книги, то только древнія рукописныя, а не новыя печатныя, которыя печатались въ иновѣрныхъ земляхъ и въ которыя латиняне и лютеране вносили свои ереси. Въ виду этого русскимъ никакъ не слѣдуетъ принимать греческихъ книгъ, и, во всякомъ случаѣ, для опредѣленія достоинства и пригодности греческихъ книгъ, ихъ необходимо провѣрять имѣющимися у русскихъ славянскими переводами, и все несогласное съ ними въ греческихъ книгахъ, рѣшительно отбрасывать, какъ неправославное, внесенное въ нихъ еретиками. Греческія книги потому именно и порознились съ русскими, что онѣ подверглись у грековъ искаженіямъ со стороны еретиковъ, вслѣдствіе чего исправлять русскія книги по греческимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ съ ними не сходятся, значило, очевидно, только портить русскія книги, вносить въ нихъ тѣ именно ереси, которыя уже успѣли внести еретики въ книги греческія.

Наконецъ провинціальныя ревнители крайне подозрительно и недоброжелательно относились къ ученымъ выходцамъ: грекамъ и кievлянамъ, и никакъ не желали допускать ихъ до какого либо участія въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ. Нероновъ, въ одной своей челобитной государю, взываетъ: „и паки молимъ тя, государя, иностранныхъ иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ истинѣ неразвратниковъ, коихъ истинѣ и благочестію ругателей, и ересемъ вводителѣй, въ совѣтъ пріяти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусиши житіе ихъ“. Нероновъ, съ своей точки зрѣнія, объясняетъ, почему безъ строгаго тщательнаго испытанія, никакъ не слѣдуетъ довѣрять ученымъ иностраннымъ выходцамъ. „Зримъ бо въ нихъ (ученыхъ выходцахъ), государь, пишетъ Нероновъ, ни едину отъ добродѣтелей: Христова бо смиренія не имуть, но сатанинскую гордость, и вмѣсто поста многояденіе и пьянство любятъ; вмѣсто же, еже Христа, истаяти тѣло, магкость и буйство любятъ, крестнаго же знаменія на лица истинное изобразити не хотятъ, и сложенію персть блядословнѣ противятся, яко врази истиннѣ и ругатели; на колѣнехъ же поклонитися Господеву отъ покоя ради

не хотятъ, и лжу сшиваючи самосмышленіемъ, разумъ божественнаго писанія лукаво скрываючи, своевольнѣ блядутъ на прелесть безумнымъ человѣкомъ“¹⁾).

Н. Каптеревъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Мат. I, 67 Нужно замѣтить однако, что Нероновъ представлялъ изъ себя нѣкоторое исключеніе въ средѣ провинціальныхъ ревнителей въ томъ отношеніи, что онъ признавалъ въ цѣрковныхъ дѣлахъ авторитетомъ восточныхъ патріарховъ, хотя и не признавалъ вужды исправленія Никономъ нашихъ цѣрковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ. Подробно объ этомъ будемъ говорить ниже